

ЧЕЛОВЕК, который поднялся мне навстречу из-за стола, был вовсе не похож на свой портрет в газете. Нет, конечно, я тотчас узнала Бориса Парсаданяна, композитора, художественного руководителя Государственной филармонии ЭССР. Но выражение лица было совсем иное. Не было портретной парадности, простая, сердечная улыбка, которая так часто, несмотря на недавнюю болезнь, освещает его лицо. Разговор получился сразу — доброжелательный, искренний и очень для меня интересный. Ведь собеседник разделил судьбу своего поколения. Тех, кому выпало повзрослеть разом в первые военные годы, кто после Победы самозабвенно учился, чтобы наверстать упущенное. Кто вместе с нашей великой и прекрасной Родиной налаживал послевоенную жизнь. Современник и активный делатель жизни.

— О нашем поколении часто говорят, как о поколении героев. Уверен, выпади на долю сегодняшних семнадцатилетних такие же испытания, стойко и бесстрашно вели бы себя, — говорит Борис Христофорович.

— Время формирует людей, и не дай бог, чтобы снова повторилось то, что нам довелось пережить. Правда, первые дни войны (их я встретил в Ашхабаде школьником) ни в чем не изменили нашу жизнь. Те же уроки, шалости, домашние задания. Потом, когда стали доходить сведения о зверствах фашистов, мы, ребята, в знак протеста отказались учить немецкий. Вызывает учительница Рыбалко — урок не знает, Парсаданян — не знает, Иванов, Чихлев, Шахназаров, Брускус-отличник — не знают. Всем — два. Девочки — те дисциплинированнее, отвечали. Но это было пока несерьезно. А потом — военное пехотное училище. На дорогах войны встречал одноклассников — раненых, искалеченных. Одного из наших подобрал на поле боя — не поверите — немецкий фельдшер. И отдал в деревню на долечивание. И такое бывало.

Я с семи лет занимался по классу скрипки. И в военном училище играл. Правда, пришлось на духовые перестраиваться — в дни войны они были уместней. Наш командир говаривал еще тогда, в сорок третьем, — репетируйте, вам придется марш Победы играть. До сих пор, когда слышу песню «День Победы», слезы не могу удержать. Победу встретил на советско-иранской границе. Нарушением устава встретил. Без приказа расстрелял всю обойму в автомате — такая радость была, так душа кричала, что даже автоматная очередь казалась слишком тихой.

Демобилизовался солдат, отвоевавший свое в 317-м гвардейском минометном полку, и отправился в Москву. Чтобы сбылась его давняя мечта — поступить в прославленное Гнесинское училище. Гимнастерка, сапоги, шинелишка и краюха хлеба в вещмешке — вот и весь солдатский скарб. Зато задору и упорства — хоть отбавляй. В те нелегкие, голодные, холодные годы помогли москвичи. Жили дружно и

весело. Ходили друг к другу в гости, чтобы поспорить до ночи, говорили обо всем на свете. А больше всего о том, какая прекрасная жизнь всех ждет теперь после Победы. Хренников, Шостакович, Кабалевский, Хачатурян предстают как живые в рассказах Парсаданяна. Не просто товарищи по цеху, не просто друзья. Кровные узы братства связали их навсегда. Две симфонии посвятил композитор друзьям тех лет. Шестую — Шостаковичу, Седьмую — Хачатуряну.

— Борис Христофорович, ваша Седьмая очень необычна по форме и по составу инструментов. Когда в заключение впадают, разрывая пространство, раздвигая стены, колокола, кажется, словно находишься в далеких горах Армении и все звонницы храмов возвещают — нет больше друга.

— Хачатурян был для меня очень близким человеком. Много пережили вместе. В Армении существует своеобразный культ живого зеленого дерева. Его крона дает приют путнику, хранит источник от палящего солнца. В его ветвях весело щебечут птицы. Плоды утоляют голод. Арам Ильич порой представлялся мне таким деревом-великаном. Свое ощущение от прекрасного человека и композитора мне хотелось передать в симфонии.

— Вам наверняка часто приходится отвечать на вопрос, как рождается музыка. Как простые звуки улицы и леса, шум лесного ручья переплавляются в стройное произведение. Возникает как будто из ничего, создавая какое-то новое, неразгаданное пока качество материи, вызывающее смех, слезы, гнев, радость.

— На часть вопроса я уже, пожалуй, ответил. Когда умирает друг, гибнет на поле боя, музыка помогает высказать то, что не сумел, не успел сказать при жизни.

Но бывают и простые, прозаические поводы. Одно из первых моих произведений — сюита-увертюра — было написано по заказу Московского радио. Заказ был простой, и непростой: в начале пятидесятых, когда нелегко еще налаживалась

жизнь, написать мажорное, упругое и жизнерадостное произведение для оркестра.

— Еще и сейчас ее часто исполняют по радио, не изменилось отношение к этому «ребенку»?

— Конечно, сам стал уже иным, но слушаю всегда с улыбкой, встреча приятно. Симфоническая поэма «Давид Сасунский» стала данью родной армянской земле. Это сочинение на тему армянского народного эпоса. В нем, так же, как и в героических легендах, сказаниях многих народов, герой — Давид Сасунский, стал защитником бедных и униженных, встал во главе освободительной борьбы армян против иноземного ига. Произведение сложное. Когда его впервые исполнял оркестр Всесоюзного радио под управлением А. Гаука, страшно волновался, переживал. Все прошло хорошо, много теплых слов услышал и от своих земляков, и от коллег.

Но не давала покоя мысль — погибли во время войны друзья, одноклассники погибли в боях. В долгу я перед ними. Так написал ораторию «Живите в веках». Посвятил ее героям войны. А потом наступила пора рассказать об Эстонии, о том, какие мысли и чувства рождают ее пейзажи, столь отличные от родных армянских гор, ее суровый, трудолюбивый народ. Так была написана симфония, получившая, кроме порядкового восьмого номера, имя «Эстонская». Есть такая народная песня «Леэло» и еще «В родном селе». Почему именно они? Созвучны моему восприятию эстонских национальных музыкальных мотивов. Песни вплелись в канву произведения, их тему разрабатывают инструменты, переключаясь и споря друг с другом или сливаясь в едином музыкальном порыве. Написал музыку, потом долгие репетиции, исполнение одним из лучших музыкальных коллективов — симфоническим оркестром филармонии. Когда прозвучала последняя нота, стало

тихо, потом — аплодисменты, а потом — лицо собеседника озаряет белозубая, озорная улыбка — на сцену вышел признанный мастер эстонской культуры Велло Тормис и... поклонился. Спасибо говорит, брат. Ради таких мгновений стоит писать, стоит жить.

В кабинете Парсаданяна телефон звонит почти беспрерывно. Такая работа. Организовать и устроить, сгладить конфликт, утрясти программу, словом, работа с людьми. Она требует огромного терпения.

Опыт организаторской работы начал обретать Парсаданян еще в годы войны, когда руководил оркестром. К празднику Победы в 45-м сам готовил программу, на слух переносил на нотную бумагу любимые песни военных лет, потом разучивал вместе с товарищами. Талант организатора сказывается и в конце шестидесятых, когда работал в главной музыкальной редакции Центрального телевидения заместителем редактора.

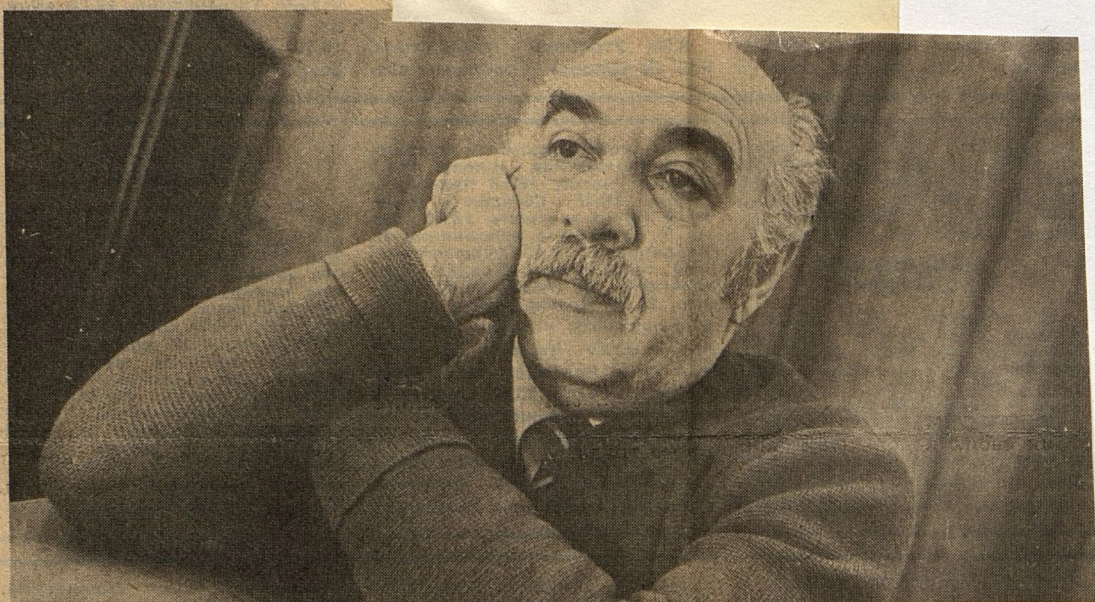
— Что здесь главное? Думаю, внимание к людям. Если уж взялся за это дело, со временем считаться не приходится. Составляя программу работы филармонии, стараюсь учитывать пожелания зрителей. С 76-го года мы продаем абонементы «Шедевры мировой музыки» — расходятся мгновенно. Эстонским слушателям уже довелось побывать на концертах выдающихся дирижеров страны: А. Дмитриева, Д. Китаенко, Г. Рождественского, Е. Светланова, которые выступали в Государственном симфоническом оркестром Эстонской ССР.

Здесь побывали и прекрасные пианисты, скрипачи, виолончелисты из разных республик страны. Работаем. Стараемся сделать музыкальную жизнь республики, славы своей своими традициями, еще насыщеннее.

М. КИРС.

На снимке: Б. Парсаданян.

Фото Ф. Ключика.

«Жизнь моя, музыка»